

2020–2030: КАТАСТРОФИЧЕСКИЙ УСПЕХ

Я снимал видео с мыслью, что вот нам всем и конец. Отснял и положил телефон в сухой пакет вместе с удостоверением личности и кошельком. Думал, пакет будет держаться на плаву, кто-нибудь его подберет. И поймет — каково это, побывать в шторме. Я совершенно не думал о том, что если сделать фотографию, то ее увидит больше людей. Не слишком задумывался, как это будет смотреться, — главное было показать людям, что здесь прямо сейчас происходит. Боялся, что случиться может всякое.

Джон Рулмал-младший, воспоминания о том, как в 2015 году тайфун «Майсак» обрушился на его родной остров Улити, Федеративные Штаты Микронезии

Первыми людьми, ступившими на землю Маршалловых островов, были мореходы, скитавшиеся от одного клочка суши к другому. Они превосходно

разбирались в ветрах и погоде Тихого океана, лучше всех в истории умели ходить под парусом. Благодаря глубокому знанию окружающего мира, им удавалось жить припеваючи даже в неблагоприятных условиях. Теперь, более чем через тысячу лет, погода ополчилась на их потомков.

За прошедшие тысячелетия островитяне привыкли к собственному образу жизни, укоренились на этих коралловых кромочках, где-то не превышающих в ширину двух метров. И они не согласны с тем, чтобы их игнорировали или отправили на свалку истории. Их опыт ставит вопросы, когда-то казавшиеся им невообразимыми: какво покинуть место, которое ты считал домом; какво утратить родину предков — то место, которое в буквальном смысле определяет тебя самого; какво знать, что твой дом будет уничтожен; чем может обернуться решение остаться и сражаться за него, не смотря ни на что?

Микронезия находится между Гавайями и Австралией; это участок океана, вдвое превышающий по площади Соединенные Штаты Америки. В этом регионе находятся, в частности, Маршалловы острова, Палау, Кирибати, Науру, Федеративные Штаты Микронезии и три территории США: Северные Марианские острова, остров Гуам и остров Уэйк. Общая площадь этих государств и территорий всего около тысячи квадратных миль суши, что составляет менее половины территории штата Делавэр. (Четверть этой суши приходится на Гуам, крупнейший остров в составе Микронезии, который примерно сравним по территории с городом Чикаго.) На двух тысячах островов Микронезии проживает около полумиллиона человек; их острова — это россыпь тихих гаваней в необъятной акватории.

Маршалловы острова — это большое океаническое государство. Неподалеку от его берегов расположены рифы, окруженные водами, которые отличаются большим биоразнообразием. Двадцать девять коралловых атоллов этого государства состоят из 1156 отдельных островов, разбросанных на участке Тихого океана такой же ширины, как и территория между Техасом и Северной Дакотой, то есть это настоящий водный суперконтинент. Максимальная высота островов составляет всего около десяти метров над уровнем моря, однако почти вся суша этого государства находится не выше трех метров выше линии прилива. Ожидается, что именно на столько уровень моря поднимется в течение нынешнего века.

Не впервые уже Маршалловым островам грозит уничтожение. Всего одно поколение назад, в годы холодной войны, эти острова использовались в качестве полигона для ядерных испытаний США. На острове Рунит до сих пор находится саркофаг, предназначенный для предотвращения утечки радиоактивных веществ, которые могли бы на века отравить близлежащие рыболовецкие угодья. Но он не рассчитан на подъем уровня моря.

Таким образом, Маршалловы острова давно являются эпицентром глобального движения сопротивления, задолго до того, как их жителям удалось убедить остальной мир, что глобальное потепление нужно ограничить, о чем шла речь на климатологической конференции в Париже в 2015 году.

Некоторые коренные жители тихоокеанских островов, уже сейчас наблюдающие подъем уровня моря и экстремальные погодные явления, начинают по-новому относиться к себе и к своей родине, надеясь, что радикальных мер окажется достаточно, чтобы обратить

время вспять и частично компенсировать уже нанесенный ущерб.

В 2013 году тайфун «Хайян» прокатился сквозь тропическую часть Тихого океана. Прежде чем обрушиться на Филиппины, «Хайян» прошел через Микронезию, всего в пяти милях от берегов крошечного островка Каянгел в составе Палау. Самые сильные ветры в тропическом циклоне циркулируют вокруг его «глаза», безоблачной зоны с нисходящими потоками воздуха, которая возникает из-за оттока со стороны кольца, образованного чрезвычайно сильными вихрями. Когда «Хайян» проходил мимо Каянгела, он поднял сильный ветер, буквально опустошивший остров. Ари Даниэль в репортаже для сети «Журналистика решений» сообщил, что пережить шторм удалось четырем семьям, сбившимся в единственном здании с бетонными стенами на всем острове, в больничной душевой. Когда циклон миновал, местные службы эвакуировали всех (сто тридцать восемь) жителей острова; им пришлось ждать несколько месяцев, пока на острове шли восстановительные работы. «Хайян» был супертайфуном — сильнейшим тропическим циклоном, вышедшим на сушу за всю историю человечества. Он принес ветры, постоянная скорость которых достигала примерно трехсот четырнадцати километров в час, — я говорю «примерно», так как ни одна метеорологическая станция не выдержала бы такой стихии. Цифра приводится по данным метеорологических спутников, с которых измерялась температура вершин облаков «Хайяна». Из этого показателя можно опосредованно вывести активность грозы, принесенной тайфуном (чем выше грозовые облака, тем сильнее в них ветры и тем холоднее характеристики, передаваемые из космоса).

«Хайян» зашкаливал при всех спутниковых измерениях его силы, обычно производимых в таких случаях, превысив теоретически вычисленную максимальную интенсивность тропического циклона, предусмотренную метеорологами, которые изобрели эту шкалу. При использовании пятиуровневой американской системы классификации ураганов, в которой они ранжируются в зависимости от максимальной скорости ветра (этот показатель тропического циклона измерить проще всего, так как интенсивность осадков и порывы ветра могут сильно отличаться в зависимости от локальной топографии), «Хайяну» следовало бы присвоить шестую категорию.

Согласно всем свидетельствам, «Хайян» совершенно перевернул весь регион. После того как стихия отступила, вышел репортаж ВВС, в котором описывалась «пустошь, усыпанная грязью и обломками». Ведущий филиппинский переговорщик по вопросам изменения климата Йеб Саньо в тот момент был в Варшаве, где присутствовал на ежегодном саммите мировых лидеров, разрабатывающих глобальное соглашение об ограничении человеческого вмешательства в планетарную климатическую систему. Скорбно обращаясь к делегатам, Саньо был непреклонен: «Возможно, мы ратифицировали собственный смертный приговор. Мы, как нация, отказываемся смириться с будущим, где супертайфуны наподобие „Хайяна“ станут обыденностью. Мы отказываемся от того, что в нашу обыденность войдет необходимость убежать от штормов, эвакуировать семьи, страдать от опустошений и лишений, подсчитывать погибших. Просто отказываемся».

Работу тех, кто действует на переднем крае борьбы против изменений климата, можно охарактеризовать

фразой итальянского ученого Антонио Грамши, говорившего, что «пессимизм разума не исключает оптимизма воли». Саньо, выступая против слишком медленного развития международных мер по предотвращению изменений климата, начал голодовку и непреднамеренно запустил общественное движение. К концу тринадцатидневного саммита сотни тысяч человек со всего мира выразили ему поддержку. Сочетание невиданной свирепости «Хайяна» и самоотверженных слов и поступков Саньо вынудили признать безотлагательность работы над коррекцией погоды, выдвинув эту тему на передний план климатических дискуссий и актуализировав в нашем коллективном сознании. Кроме того, Саньо подготовил почву для первого в истории глобального климатического соглашения, подписанного в Париже двумя годами позже.

Одного лишь Парижского климатического соглашения было бы недостаточно для предотвращения климатически обусловленного упадка Филиппин (родины Саньо) либо Маршалловых островов. Когда ставки так высоки, а уровень моря продолжает подниматься, доминирующий в данных регионах дискурс (по свидетельству сторонних наблюдателей) заключается в том, что эти государства станут первыми жертвами изменений климата. В рамках такого дискурса Маршалловы острова и Филиппины — не просто конкретные архипелаги, а олицетворение самого человечества и предупреждение, восходящее еще к Ветхому Завету. Эти острова, в свое время чистые и нетронутые, оказались приговоренными к затоплению, и их судьба предвещает гораздо более грозные события. В рамках этого дискурса счастливый конец невозможен — гибель неизбежна, это судьба.

Двадцатидвухлетняя Селина Лим не в таких тонах рассказывает историю своей малой родины. На Маршалловых островах она лично наблюдала все происходящее. Находясь в самой узкой части своего родного атолла Маджуро, она чувствовала, как неотвратимо подступает вода.

Однажды, во время особенно сильного послеполюденного шторма, она выглянула в окно и увидела волны, обрушивающиеся на могилы ее бабушки и дедушки. Впервые она почувствовала, как наступление океана задевает лично ее. В тот момент она поняла, что больше не может молчать.

«Я не переставала думать, что весь мир против нас, а мы ничем этого не заслужили, но теперь страдаем, — сказала мне Селина. — Я по-настоящему обозлилась. Насколько слеп остальной мир, не подозревающий о наших проблемах. Нам, в принципе, нужно как-то это преодолеть, заставить людей что-то делать». Селина стала всемирно известной как ведущий моральный авторитет.

Едва ли большинство жителей богатых стран вообще задумываются о Микронезии; они, пожалуй, вспоминают о потеплении океана и все более экстремальной погоде как о невзгодах, выпадающих на долю людей, не имеющих ни голоса, ни власти, чтобы распоряжаться собственной судьбой. Селине лучше знать. В этом смысле она уже усвоила то, что потребует быстро понять каждому жителю Земли: мы вступили в эру, в которой всех нас объединяет меняющаяся атмосфера, и обоюдность жизни и смерти уже определяет наш общий культурный момент. Мы своими повседневными поступками меняем — к лучшему или к худшему — условия, в которых предстоит жить поколениям наших

потомков. Выводы из этого знания могут вдохновить нас на совершенно новое представление о том, что значит жить на этой планете.

В 2015 году, когда Селине было восемнадцать, она прибыла на Парижский климатический саммит в качестве делегата от Маршалловых островов и слышала там много слов. Мир обсуждал разные формулировки, от которых зависит, сохранится ли на карте ее родная страна еще в пределах ее жизни. В заключительные часы конференции нарастало напряжение между США и Китаем — двумя лидерами по выбросам в атмосферу, и представители десятка наиболее уязвимых стран мира активизировались, чтобы прорваться с последней надеждой не дать свернуть этот разговор. Тони де Брум, на тот момент занимавший пост министра иностранных дел Маршалловых островов и возглавлявший делегацию своей страны на этих переговорах, собрал «весьма амбициозную коалицию». Под руководством де Брума этот альянс все-таки продавил гораздо более жесткое соглашение, чем кто-либо ожидал. Кульминацией этого саммита стал первый глобальный договор по сокращению выбросов загрязняющих веществ, из-за которых погодные условия становятся все более экстремальными, а уровень моря поднимается.

В Париже де Брум попросил Селину поведать ее историю и выступить в защиту существования их страны как таковой. И в своей речи она ничуть не приуменьшила опасность реального положения дел. Представившись десяткам глав государств и другим делегатам из ста девятинасти стран, назвав себя «маленькой девушкой-островитяжкой с большими мечтами», она вспомнила, как уязвима ее родина, рассказала, как стояла на том атолле, на котором выросла. «Слева от меня

вода, справа от меня вода. Вода обступила меня». Она поведала, что стала бояться воды лишь после того, как дедушка рассказал ей о таянии полярных льдов (когда ей было шесть или семь лет). Тогда эта история показалась ей каким-то ужасником.

«Когда стремишься к переменам, бывает необходимо поставить мир с ног на голову, — говорит Селина. — Это соглашение должно было стать поворотным моментом в нашей истории для всех нас».

Выступая, Селина держала в руке прядь кокосового волокна. «Лист кокосовой пальмы и прядь, что у меня в руке, я привезла с Маршалловых островов... я надеюсь, что вы сохраните их, покажете вашим детям и внукам и расскажете им новую историю о том, как вы сегодня помогли маленькому острову и всему миру».

На тот момент Селина была совсем юной девушкой, но говорила с пылкой мудростью человека, уже много повидавшего. По мере того как моря становились все суровее и напористее, грубела и Селина, а также миллионы островитян со всего мира, отказывавшиеся сидеть сложа руки, пока океаны поглощают их родные места.

«Возможно, нам суждено потерять наши острова, но в данный момент мы боремся уже не только за них, мы боремся за весь остальной мир. Мне известно, что Маршалловы острова — не единственная страна, уязвимая перед изменениями климата. Есть множество других сообществ, других стран, социумов во всем мире, которые также этим затронуты, — сказала мне Селина. — Продолжая эту борьбу, мы сражаемся не только за себя, но и за других людей».

Селина получила целый поток сообщений со всего мира. Некоторые сообщения были выражено негативные, некоторые обесценивали ее опасения, хотя их

авторы и утверждали, что на самом деле поддерживают девушку. Один из написавших заявил: да, мир должен бороться с изменениями климата, чтобы спасти ее родной архипелаг, но «сейчас мы не можем себе этого позволить».

По прошествии нескольких месяцев, в ходе другого мероприятия, состоявшегося в Канаде, дама, представлявшая Селину собравшимся, пафосно заявила, что многие из флагов, которые сейчас подняты над сценой, всего через несколько лет могут быть упразднены. Толпа безмолвно с ней согласилась.

Селина была шокирована: «Это был удар для меня. Все равно что... Ух! Мир с нами уже прощается! Я просто села и задумалась... *Ради чего мы все это отстаиваем? Какова наша роль? Наша — жителей Маршалловых островов и других островитян, колесящих по миру и убеждающих всех, что мы по-прежнему стремимся сохранить наши острова?* И слова этой женщины, и реакция толпы, принявшей ее обращение на ура, уже подсказывают, что нас ждет. Что бы мы ни делали, наши острова исчезнут. В моменты, подобные этому, мне просто хочется заорать и тыкать пальцами во все стороны — сколько уже было людей, стоявших на этой сцене, сколько людей были готовы здесь расплакаться, когда все пропускали их призывы мимо ушей? Мы не собираемся прощаться».

Несмотря на неизбежность катастрофы, они отказываются от того, чтобы их стерли с лица земли.

Как бы то ни было, штормы все сильнее терзают береговую линию островов, уничтожают бахрому кораллов и волноломы, защищающие могилы предков Селины. В этих волнах Селина нутром чувствует связь со всем остальным миром. Она узнает лица первых угольных баронов, нефтяников, бурящих разведочные